

Новые Известия. — 2002. — 7 сент. — с. 7

Бразильский маг в Москве стал писателем

Приезд Пауло Козьмо сопровождается неслыханным информационным бумом

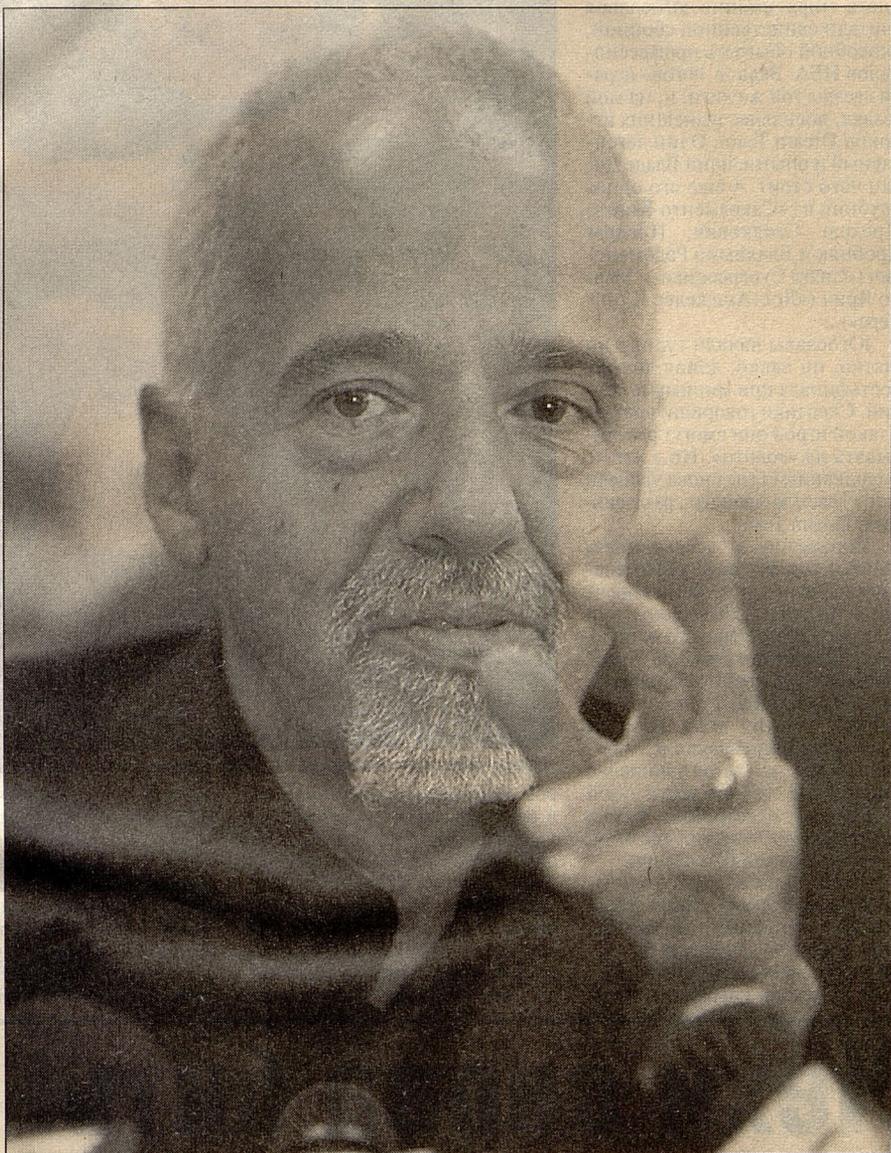
Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Между литературой и чтивом всегда существовал довольно значительный культурологический слой юношеского и детского чтения. Долгое время эту нишу занимали фантастические построения на тему кельтского фольклора Толкиена. Потом появился Гарри Поттер. И, наконец, стал прорываться Пауло Козьмо. Первая попытка была весьма неудачна — книги не раскупили. Тогда была предпринята массивная книжная атака. Козьмо издали тиражом в миллион экземпляров, и он пошел.

Приезд Козьмо в Москву сопровождается неслыханным по размаху пиаром. Он появился почти на всех каналах телевидения, где его приход сопровождался стереотипным комментарием: «К нам приехал живой классик бразильской литературы. Его книги изданы на всех основных языках мира. Писателя принимал в Белом доме Билл Клинтон и Римский Папа в Ватикане». Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Козьмо действительно фигура весьма достопримечательная. Лидер психоделической революции и активный пропагандист оккультизма три раза подвергался аресту и отбывал серьезные сроки. Когда в среду на телевидении Ханга начала шутить и смеяться по этому поводу, писатель довольно резко заметил: «Можно обо всем говорить с юмором, но пребывание в тюрьме не повод для шуток. Это слишком тяжелое и мучительное испытание». Кроме тюрьмы, были еще и психиатрические лечебницы, куда он попадал в результате слишком активного погружения в оккультные знания. Будущий писатель 11 лет жизни отдал изучению алхимии. «Уже одна возможность превращать любой металл в золото или найти эликсир бессмертия достаточно соблазнительна для всякого, кто делает первые шаги в магии». В 1973 году Козьмо ставит в студенческом театре «Изумрудную скрижаль». По его признанию, «даром мне это не прошло, и подобные эксперименты вкупе с моими попытками утвердиться на зыбкой почве магии привели к тому, что уже через год я мог на собственной шкуре убедиться в правдивости поговорки «сколько веревочке ни виться, а конец будет...».

Следующие шесть лет Пауло чувствует к мистике отвращение и смеется над ней. Но в 1981 году в его жизнь «вошел Рама-Учитель, которому суждено было вернуть меня на прежнюю стезю». Тайнственный гуру открыл Козьмо тайну, которую Христос открыл две тысячи лет назад. Оказывается, многие знают истину, не подозревая о своем знании. Среди таких знатоков, владеющих Всеобщим Языком, Козьмо называет своих предшественников Борхеса, Блейка и Хемингуэя. Он не скрывает, что сюжет самого популярного романа «Алхимик» есть у Борхеса. Да что ж тут скрывать, когда не только сюжет, но и вся концепция целиком и полностью принадлежит тому же Борхесу. Пауло Козьмо — это Борхес для бедных, разжиженный, растянутый, упрошенный. Борхес, конечно, писатель не для всех, а Козьмо для всех, и в этом секрет его популярности. У Борхеса много последователей, завоевавших сердца российских читателей. Тут и Милорад Павич и Умберто Эко. Козьмо намного слабее и банальнее. Его романы написаны никаким языком. Там нет ни ярких характеров, ни оригинальных сюжетов. Понимая слабость своего стиля, Козьмо утверждает, что он представляет читателям самим доммыслить, как выглядят его герои. Остроумное утверждение, но крайне необудительное, когда читаешь.

Стиль дистиллированной оккультной притчи, лишенный цвета и запаха, тем не менее пришелся по душе юным читателям, еще не прочитавшим Борхеса или Павича. «Юношу звали Сантьяго. Уже началось смеркаться, когда он вывел своих овец к заброшенной полуразвалив-

ИТАР — ТАСС. ВЛАДИМИР МУСАЭЛЬЯН

шейся церкви». Разумеется, Сантьяго любит некую Фатиму, но внезапно подчиняется неясному зову и устремляется с овцами к египетским пирамидам в поисках тайного знания и клада. После цепи нехитрых приключений и разговора с ветром, прямо как в «Сказке о семи богатырях», Сантьяго достигает цели. Но сокровище ему уже не нужно. Тайное знание — ничто по сравнению с любовью к Фатиме. Любовь — вот истинное сокровище. «С высоты тысячелетий смотрели на юношу пирамиды. Теперь он, если пожелает, может вернуться в оазис, жениться на Фатиме и пасти овец». Возможно, роман «Алхимик» со временем забудут, но, скорее всего, он прочно войдет в круг юношеского чтения вместе с «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» и «Маленьким принцем». Козьмо после многолетних скитаний по оккультным наркотусовкам, психушкам и тюрьмам нашел свое сокровище, свою Фатиму. Он стал вполне профессиональным юношеским писателем.

Медвежью услугу оказывают ему наши СМИ, называя классиком и магом. Сам Пауло Козьмо очень четко на этоотреагировал уже в аэропорту, где на шесть часов задержался его чемодан с вещами: «Я не маг, я просто профессионально работаю в области бразильской словесности». На самом деле он сказал «в области бразильского языка», но смысл именно такой.

Юношеская литература лучше всякой другой передает дух времени. Наше время не мо-

жет существовать без тайны. Натиск биржевых сводок, скучной статистики и монбланы фундаментальных наук, где опять же шагу не ступишь без вычислений, требуют отдохновения для души и психологической разрядки. Пауло Козьмо врожденный сценарист. Его романы — готовые сценарии. В Москву приехал не какой-нибудь бунтарь, призывающий весь мир погрузиться в наркотическую нирвану, а умудренный годами и жизнью вполне профессиональный литератор, который действительно может многому научить. Ну хотя бы преодолению собственных заблуждений. Ведь «Алхимик» — это роман-притча о том, что истину и судьбу надо искать прежде всего в самом себе. «Истина — это путь», — говорит Козьмо, перефразируя Гегеля, который утверждал, что «истина — это процесс».

Козьмо ученик не менее культового Кастанеды. В своей прозе он именует его Гуру-Учителем. В интервью писатель часто цитирует главную заповедь своего наставника: «Вы должны стать в себе воинами света». Похоже, что он чувствует себя таким воином, принявшим меч посвящения от учителя. Путь Козьмо действительно интересен. Революционер студенческой революции 68-го года с марксистским окрасом и наркотическими порывами. Узник тюрьмы и пациент психушек в годы военной диктатуры в Бразилии. Писателем он решил стать в 35 лет. Спустя три десятилетия эта мечта сбылась.